Сергей Хугаев
народный писатель Осетии

СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ «САЛАМА»

В одном из моих ранних рассказов есть персонаж – старый учитель языка и литературы, страстный почитатель и знаток «Осетинской лиры» Коста Хетагурова, ни днем, ни ночью не расстающийся со своей любимой книгой. Однажды в городском автобусе он, разговорившись с другим стариком, поделился с ним своими сомнениями, – именно о том, что «Салам» («Привет») не кажется ему хетагуровским стихотворением, что оно никак не согласуется с его другими произведениями, что оно и звучит, и выглядит иначе.

Когда я писал тот рассказ, я еще не знал, что об этом стихотворении было так много разговоров среди наших филологов.

Недавно мне попалась в руки основательная статья Алана Туаллагова «Об адресате стихотворения К.Л. Хетагурова "Салам"» («Известия СОИГСИ», 2009, № 3 (42), с. 213–230), в которой автор методично и последовательно обобщил всю полемику вокруг этого произведения. Эта статья и подвигла меня к тому, чтобы я высказал здесь свои мысли.

Начать надо с того, что Нафи Джусойты считал этот текст обращением к образу А.С. Пушкина, написанным к 100-летию со дня его рождения, в 1899 году. Не зря, дескать, там есть и такая строка: «Дæ цард гъеныр дæр у сæдæ» («Твоя жизнь и теперь ста [жизням] равна»).

Не все наши ученые согласились с Нафи, утверждая, что это «сæдæ» («сто») использовано условно-метафорически, в качестве восхваления и прославления. Но здесь возникает и другое простое возражение: Коста написал много посвящений выдающимся деятелям русской культуры, и все они написаны по-русски; зачем бы он сделал такое исключение для Пушкина? Ведь Пушкин тоже, как и другие русские адресаты Коста Хетагурова, не знал осетинского языка. Говорят, что впервые это возражение высказал Сулейман Сабаев. Я не знаю, когда именно он это сделал, но вполне допускаю, что тот учитель, о котором я говорил выше, сказал это раньше Сулеймана, – просто потому, что такое возражение очевидно.

Некоторые специалисты, среди которых был и Тамерлан Гуриев, утверждали, что «Салам» обращен к В.Ф. Миллеру и приурочен к его пятидесятилетнему юбилею, который отмечался в 1898 г. Это само по себе выглядит вполне убедительно: во-первых, уже текст стихотворения указывает на то, что оно обращено к живому человеку, во-вторых, этот выдающийся ученый сделал много добрых дел для осетинского народа. Миллеру принадлежат знаменитые «Осетинские этюды», которые привлекли к языку, культуре и истории осетин внимание всего мирового ученого сообщества. И осетины это понимали и ценили высоко. Потому и писали ему такие теплые строки: «Миллерты Всеволод, фондз æмæ ссæдз азы аивгъуыдта, Ды дæ диссаг, ирон зæрдæйæн адджын, сæры фæллой – "Осетинские этюды" куы рауагътай, уæдæй нырмæ. (...) Ды дæ диссаг чингуытæй фидар бындур, хорз сæрæвæрæн ныссагътай н' астæу не стыр ныфсæн, ирон чиныгæн æмæ ирон литературæн» («Миллерты Всеволод, двадцать пять лет минуло с тех пор, как Ты своей удивительный, дорогой осетинскому сердцу, главный труд – "Осетинские этюды" – выпустил. (...) Твоими ценными книгами прочное основание, хорошее начало заложено в нас большой надежде – осетинской книге и литературе»). Крепко славили осетины В.Ф. Миллера.

Есть, наконец, и такие, которые считают, что «Салам» Коста написал о самом себе, наподобие того, как А.С. Пушкин написал «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Такая гипотеза, как говорится, не стоит даже обсуждения. Потому что у нас и школьники знают, как представлял себе наш Коста свою посмертную славу: «...Уый фæстæ ферох уыдзынæн, Ничиуал зондзæн мæ цырт» («...После этого буду забыт, никто не будет знать, где мой надгробный камень / памятник». – ***Перевод подстр.***)

Теперь о самом стихотворении. Если оно написано в 1898 году, то почему оно не вошло в первое издание «Осетинской лиры» 1899 года? В первое издание не вошло, а во второе, 1907 года, вошло.

Дело было так, что в 1906 году в газете «Терек» напечатали объявление, в котором редакция просила всех читателей, у которых сохранились стихи Коста, не вошедшие в первое издание, прислать их по указанному адресу. В то время, как известно, Коста был в Лабе, куда его отвезла, уже тяжело больного, сестра Ольга в 1903 году. Так «Салам» и оказался во втором издании: Коста, рассудок которого был уже помутнен, отправил его по адресу, указанному в объявлении, вместе с другими своими стихотворениями.

При этом надо заметить, что некоторые стихотворения этой партии были прежде опубликованы в периодической печати, а «Салам» впервые был опубликован, как мы уже сказали, лишь во втором издании «Осетинской лиры».

Если мы рассмотрим стихотворение внимательно и с тем же пристрастием, с каким рассматривал его упомянутый мною персонаж, то, наверное, кое-что нас заставит призадуматься. Уже сам заголовок – «Салам» – не кажется характерным для Коста. Слишком праздно и легковесно это слово для почтительного стихотворного обращения к великому представителю другого народа.

Нет и в отдельных строчках почерка Коста, его дыхания и пластики. «Æдых фæллад лæгау нæ дзырд». Здесь налицо явный синтаксический сбой. Буквально – и по существу – здесь сказано: «Подобно бессильному, уставшему человеку наше слово», – в то время как автор, по всему видно, хотел сказать: «Подобно слову бессильного, уставшего человека наше слово», – и именно так и переводят эту строчку на русский язык. Нет, это не хетагуровская строка. Или: «Зæххыл дын нал баззад кæнинаг» («На земле у тебя не осталось несовершенных дел»). Или: «Дæ мæсыг амайын фæдæ» («Ты кончил строить твою башню»). Здесь нет отточенной, строгой образности, синтаксиса и морфологии Коста. Мне кажется, не Коста писал эти строки, и мне мечтается, чтобы так оно и было, чтобы не он их написал: не достойны они Коста Хетагурова.

Стихотворение построено таким образом, что очевидно: автор (или авторы, ибо речь ведется от первого лица множественного числа) обращается в нем от имени народа к человеку, принадлежащему к тому же народу, что и автор (авторы). И после долгих раздумий мой персонаж-учитель приходит к неожиданному для самого себя вопросу: а что если не Коста писал эти стихи? Что если речь в них ведется от лица других осетин – добрых, честных осетин, хорошо знавших Коста? Что если они таким образом хотели воздать ему честь и утешить страждущего, раздавленного недугом брата? И написали стихи – и отправили ему, или даже – сами доставили. Тогда Коста прочитал бы стихотворение – и положил бы его вместе со своими бумагами… В таком случае и заголовок был бы на месте, не вызывал бы сомнений: если осетины скажут «салам» своему любимому соплеменнику, в том не будет ничего легкомысленного и праздного.

Но, если так, почему это стихотворение написано рукой Коста, без сомнения, его почерком, – почему оно сохранилось именно в таком виде?.. Очевидно, больной Коста переписал его для себя, а оригинал, отозвавшись на упомянутое выше объявление, как мы уже сказали выше, отправил для публикации во втором издании.

Июнь, 2025

Перевод с осетинского Ирлана Хугаева